

СТАТЬИ

© 1990 г.

В. И. Васильев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

(на материалах народов Севера СССР)

Этническая история: исследование процессов формирования и этнического развития народов — специфическая область современной этнографической науки — по существу заявила о себе только в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. В 1940 и 1943 гг. в Москве и в 1942 г. в Ташкенте были проведены сессии по этногенезу народов Сибири, славян и народов Средней Азии, на которых выступили с докладами многие ведущие этнографы и археологи страны. В 1951 г. в Москве состоялось совещание по методике исследования этногенеза с участием этнографов, археологов, антропологов и представителей смежных дисциплин. В последующие годы был проведен ряд региональных конференций, посвященных этногенезу и этнической истории народов Северного Кавказа (балкарцев и карачаевцев, 1959 г.; осетин, 1965 г.), Поволжья (марийцев, 1965 г.; башкир, 1969 г.), Сибири (аборигенов и их языков, 1969, 1973 гг.; самодийцев, 1983 г.; тюрков, 1979, 1984 гг.).

Материалы докладов и сообщений, заслушанных на указанных форумах, выступления в дискуссиях существенно продвинули и углубили разработку не только региональных, но и общетеоретических проблем этнической истории, ее исследовательской методики, способствовали формированию понятийного аппарата этой предметной области этнографической науки.

Одним из первых исследователей, внесших значительную лепту в разработку понятийного аппарата этнической истории, был С. А. Токарев. В напечатанной в 1949 г. в журнале «Советская этнография» статье он дал следующее обобщенное определение этногенеза: «Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ»¹. Как следует из приведенного определения, С. А. Токарев распространял понятие «этногенез» на все фазы истории этноса: как его формирование, так и последующее функционирование уже сложившейся этнической общности.

В дальнейшем свое, нередко существенно различающееся понимание терминов «этногенез» и «этническая история» выразил весьма представительный круг ученых. Не имея возможности в рамках этой работы привести все высказанные точки зрения, попытаюсь охарактеризовать наиболее распространенные и известные из них.

Позиция С. А. Токарева нашла не столь уж много сторонников. Гораздо больше исследователей, распространяющих понятие «этническая история» на все фазы развития этноса, от его формирования до сегодняшнего дня².

Наконец, существует точка зрения, согласно которой под этногенезом следует понимать только процесс сложения этноса; с его завершением начинается период этнической истории. Эти положения, в общей форме очерченные в работе Ю. В. Бромлея³, разделяет и автор настоящей работы, изложивший свою позицию в ряде публикаций⁴.

Расхождения в понимании предметной области этнической истории проявились и во время проведения Всесоюзной этнографической школы-семинара в Звенигороде (1979 г.), где вновь прозвучали самые разные суждения по поводу содержания понятий «этногенез» и «этническая история»⁵.

Как нам кажется, пора внести порядок в понятийный аппарат этой исследовательской области этнографической науки.

Ю. В. Бромлей в своей первой обобщающей работе об этносе как основном объекте этнографического исследования затронул вопрос о двух («широком» и «узком») значениях терминов «этногенез» и «этническая история»⁶. Если стоять на этих позициях, термин «этническая история» (в «широком» значении) правомерно употреблять для характеристики всех исторических стадий этноса (формирования, развития сформировавшейся этнической общности, ее современного состояния) и одновременно — всей связанной с изучением данных процессов исследовательской области этнографической науки.

Как нам кажется, именно такой трактовке понятия «этническая история» в полной мере отвечает определение Н. Н. Чебоксарова, сформулированное им в докладе «Этногенез и этническая история как предмет этнографической науки», который был зачитан на специальном заседании школы-семинара в Звенигороде, посвященном указанной тематике: «Этническая история есть общепроцесс исторический процесс возникновения, развития, дифференциации, слияния, консолидации, трансформации, а в некоторых случаях и исчезновения этнических общностей»⁷.

Если принять это определение для термина «этническая история» в его широком значении, то под «этногенезом» (в «узком» значении) надо понимать фазу формирования этноса, историю всех его «коллективных этнических предков» (по терминологии Н. Н. Чебоксарова)⁸. С таких позиций период исторического развития этноса, начиная с заключительной фазы его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современный нам период может быть охарактеризован как «этническая история». Иными словами, под этнической историей (в «узком» значении) понимается процесс исторического развития уже сформировавшегося этноса⁹. К такому пониманию этнической истории близко развернутое определение, предложенное сравнительно недавно Н. Г. Волковой. «Этническая история, — пишет она, — это развитие в диахронии всех видов этнических процессов, протекавших в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса»¹⁰.

Нам осталось только объяснить «широкое» значение термина «этногенез». Безусловно прав М. Г. Левин, писавший в одной из своих работ, что процесс этногенеза проходит через все периоды существования этноса как составная часть его истории¹¹. Действительно, и на стадии этнической истории, когда основное ядро этноса уже сформировано, он продолжает впитывать (или, наоборот, отторгать) определенные структурные части, и в этом смысле правомерно говорить о том, что этническая история включает элементы этногенеза. Но всегда следует иметь в виду, что на данной фазе этногенетические процессы не являются определяющими, а носят сопутствующий характер как всего лишь одна из граней исторического развития этноса¹².

Таким образом, если термин «этническая история» (в «широком» значении) может быть применим и для наименования соответствующей предметной области этнографической науки, то термин «этногенез» подобной нагрузки не несет.

В данной работе мы будем употреблять термин «этногенез» только в его «узком» значении, термин «этническая история» — в обоих значениях, а также для характеристики предметной области этнографической науки.

Попытаемся теперь определить и обрисовать, хотя бы и весьма условно, хронологические рамки этноисторического процесса. В данном аспекте несомненно важным представляется вопрос об исходных и конечных «точках отсчета» начала и завершения обеих его фаз: этногенеза и собственно этнической истории.

Одно из первых суждений о начале этапа этногенеза в человеческой истории принадлежит Ю. Б. Стракачу. В докладе, прочитанном в 1973 г. на Бахрушин-

ских чтениях в Новосибирском гос. университете, он выдвинул тезис о том, что отсчет этнической истории следует вести от времени появления *Homo sapiens*¹³. На сходных позициях стоял и Н. Н. Чебоксаров. В докладе, сделанном на звенигородской школе-семинаре в 1979 г., он писал: «Впервые формирование этносов началось в позднем палеолите, когда сложился человек современного вида *Homo sapiens*»¹⁴.

Позднее была сформулирована еще одна гипотеза, значительно удревняющая начальную фазу этногенеза. Принадлежит она В. П. Алексееву, который опираясь на разделяемое определенной частью археологов положение об оформлении ряда признаков, позволяющих выделять археологические культуры уже в нижнем палеолите, пришел к выводу, что именно с этой эпохой можно связывать и «зарождение начальных форм этнообразования»¹⁵.

Точку зрения Н. Н. Чебоксарова развил С. А. Арутюнов, предположивший, что первичный социальный коллектив *Homo sapiens* (предплемя, по его терминологии), являясь «низовой единицей популяционной структуры сапиентного человечества», одновременно был и его «первой этнической единицей»¹⁶. «Трудно решить,— пишет он,— насколько отчетливо этнические различия эпохи палеолита и мезолита могут быть прослежены в локальных археологических культурах. Культуры эти, имеющие, как правило, весьма широкое распространение... не могут быть сопоставлены ни с предплеменами, ни даже с соплеменностью»¹⁷. «Этнографические данные XIX — XX вв., — отмечает он в той же работе,— не могут служить основой для реконструкции этнических структур эпохи палеолита»¹⁸. И мезолита, имеем все основания добавить мы, поскольку, по словам того же С. А. Арутюнова, такие материалы по изолированным популяциям эйкумены возможно проецировать в археологию лишь со значительными оговорками и допущениями¹⁹. Однозначно отрицательно относится С. А. Арутюнов и к выявлению этнических различий в археологических культурах эпох раннего камня.

Как нам представляется, эпохи верхнего палеолита и мезолита правильнее охарактеризовать как «праэтнические», ибо в данный период шло формирование в первую очередь основных расовых и языковых линий *Homo sapiens*. Превалирующими для этих исторических эпох были процессы расо- и лингвогенеза; собственно этносов (отвечающих характеристике, которую мы вслед за Ю. В. Бромлеем²⁰ вкладываем в это понятие) попросту еще не существовало. Социальные общности последующей исторической эпохи — неолита — лучше, по-видимому, именовать «протоэтнотами» (пользуясь термином В. А. Шнирельмана)²¹.

Что же касается собственно этносов как этносоциальных организмов (ЭСО) первобытного общества, то вряд ли следует излишне удревлять время их оформления в качестве таковых, как это делается даже в новейшей теоретической литературе²². Если не иметь в виду предплемена (С. А. Арутюнов) или же протоэтноты (В. А. Шнирельман), то ЭСО первобытного общества — племя, по всей вероятности, оформляется только в эпоху, переходную от камня к раннему металлу. Именно с этого времени, следуя нашей логике, и начинает вести свой отсчет этническая история.

Теперь о конечном этапе этногенеза. Если, как пишет В. П. Алексеев, первичная точка отсчета этого процесса весьма условна («ее нет, и она лишь искусственно вводится нами в материал»²³), а любые оценки социальных и этнических организмов эпох палеолита и мезолита сугубо гипотетичны, то стадия завершения этногенеза для ряда этносов устанавливается на материалах вполне объективных, поэтому историчность и достоверность критериев, предлагаемых для ее определения, не вызывает сомнений. Значительный вклад в разработку этого вопроса внес М. В. Крюков, который на основании анализа античных и древнекитайских письменных источников убедительно показал, что основным признаком завершения процесса этногенеза и сложения нового этноса служит

появление у него отчетливо выраженного самосознания и собственного (а не привнесенного извне) самоназвания²⁴.

С точками отсчета стадии «этническая история» (в «узком» значении) обстоит гораздо проще. Завершающая фаза этногенеза одновременно является и начальной фазой этноисторического процесса, который продолжается перманентно и непрерывно вплоть до современности.

Рассмотрим теперь проблему этногенеза с точки зрения побудительных факторов и обязательных условий (образующих постоянных) его функционирования.

Наличие исходной территории, на которой зарождается и формируется этнос, несомненно одна из важнейших предпосылок начала этногенеза. Немалую роль в этом процессе играет и экологическая среда, ибо от нее во многом зависит степень культурной адаптации суперстрата, характер новой социальной организации и в конечном итоге победа или поражение в ходе этнического взаимодействия одной из компонентных частей (субстрата или суперстрата).

Побудительным фактором этногенетических процессов чаще всего выступают массовые миграции. На разных этапах истории человечества, особенно в период становления производящего хозяйства и возникновения кочевнических военно-политических союзов и государств, такие миграции нередко совершенно перекраивали этническую карту крупных регионов земного шара, приводили к переселению и даже полному исчезновению старых и возникновению новых этносов.

Если обратиться к степному и лесостепному регионам Западной Сибири, то оказывается, что на протяжении двух последних тысячелетий через эту территорию прокатилось не менее пяти крупных миграционных волн (кулайское движение из Среднего Приобья в верховья и низовья Оби и Прииртышье — III—I вв. до н. э.; гуннская экспансия II—IV вв.; военно-наступательные акции Тюркского каганата VI—IX вв.; татаро-монгольские завоевательные походы XII—XIII вв.).

Все эти миграции были порождены либо экологическими кризисами (увлажнение климата и похолодание, вызвавшее переселение части кулайцев из Среднего Приобья), либо демографическими причинами (давление избыточного населения на производительные силы); «избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»²⁵.

В докладе, прочитанном автором на VI Западносибирском совещании по проблеме «Смены культур и миграции в Западной Сибири» (Томск, 1987 г.), переселенческие движения, вызванные названными факторами, было предложено называть первичными миграциями.

Первичные миграции представляли собою мощные переселенческие потоки, как правило, военно-экспансионистского характера. Они, со своей стороны, вызвали миграции местного коренного населения, которое частично оставалось на прежней территории и ассимилировалось, частично оттеснялось пришельцами в таежные районы. Этнические перемещения, порожденные не внутренними процессами развития общества или изменениями экологической среды, а обусловленные инновациями, воздействием более мощных в экономическом и сильных в военном отношении пришельцев, мы предлагаем называть вторичными миграциями²⁶.

Непосредственным результатом этнопоселенческих процессов было проникновение первичных и вторичных миграционных волн на новые территории, где в качестве суперстрата они входили в контакты с аборигенным населением (субстратом), в результате чего нередко возникали новые этносы²⁷.

Было бы, однако, ошибочно рассматривать все этногенетические процессы древности, средневековья и нового времени как этнотрансформационные, т. е. как результат взаимодействия субстратных и суперстратных компонентов. Новый этнос может возникнуть и как следствие этноэволюционного развития. Селькупы Среднего Приобья, например, являются этническими приемниками

самодийского населения, заселявшего этот регион на протяжении двух тысячелетий, и поэтому представляют особый интерес для исследования проблем этногенеза самодийцев в целом ²⁸.

Следующий вопрос касается методов изучения этноисторического процесса. Как и в каждой области науки, исследовательская методика этноистории определяется ее предметным содержанием, т. е. необходимостью воссоздания картины формирования, развития и трансформации (гибели) этносов.

В составе большинства этносов существуют структуры различной генетической природы. Их выявление и этногенетическая препарация — важнейшее звено в процессе воссоздания объективной картины формирования этносов и основных элементов их культуры. Вот почему главным исследовательским приемом при анализе этногенетической природы этносов любого таксономического уровня как современных, так и «исторических» (т. е. существовавших в относительно близком или совсем отдаленном прошлом, а ныне известных лишь по письменным источникам или культурным останкам) является метод исторической ретроспекции.

Применение этого метода дает существенные результаты при исследовании всех типов этногенетических процессов — как этнотрансформационных, так и этноэволюционных. В качестве примеров практического использования историко-ретроспективного метода для изучения этнотрансформационных процессов можно привести исследования в области этногенеза северосамодийских народов (ненцы и энцы) ²⁹ и формирования разноэтнических групп населения Барабинской лесостепи (южные ханты и татары) ³⁰; для исследования этноэволюционного процесса — работу Комплексной экспедиции по изучению этногенеза, этнической истории и современного развития селькупов ³¹.

Для исследования собственно исторических процессов с применением полевых выездов наиболее распространенным методическим приемом является использование текущей документации сельских советов — похозяйственных книг и целевой опрос информаторов. Совмещая данные полевого опроса с материалами документальных источников (похозяйственных книг и актовых записей загсов), а также с архивными материалами (данными переписей и ревизий, церковными метрическими книгами и исповедными росписями), используя при этом в качестве исследовательского инструментария семейно-кустовые генеалогические схемы, с помощью метода исторической ретроспекции возможно воссоздать этническую историю народа или его этнографической группы на уровне основных социальных единиц: больших семей или даже кланов (патронимий) на глубину шести и более поколений.

Перехожу к характеристике источников, привлекаемых для изучения различных фаз этноисторического процесса. Со времени опубликования уже упоминавшейся статьи С. А. Токарева комплексный подход представителей различных научных дисциплин (этнографии, археологии, антропологии, истории, фольклористики) к проблемам этногенеза и этнической истории стал аксиомой. Из современных исследователей этому вопросу недавно уделил ряд страниц в своей монографии В. П. Алексеев ³². «Необходимость комплексного подхода к проблемам этногенеза, — пишет он, — настолько очевидна, что соблюдение этого требования можно объявить первым условием успеха в их решении» ³³.

В связи с этим хотелось бы только подчеркнуть, что степень значимости данных различных наук для выявления этногенетических структурных составляющих этноса и изучения его этноисторического развития неодинакова ³⁴.

Исходными данными при изучении этногенеза обычно служат материалы лингвистики (этнонимы), в особенности генонимы (по терминологии А. В. Суперанской), топонимы (в особенности этнотопонимы), фонд культурной лексики, данные фоностатистики. «Привлечение фоностатистических материалов, — пишет В. А. Никонов, — удревляет этногенетические свидетельства не на века, а на тысячелетия» ³⁵.

Существенное место в общем комплексе источников, используемых для эт-

ногенетического анализа, принадлежит археологическим находкам. Несмотря на определенные сомнения, которые существовали и существуют в отношении достоверности этнической интерпретации археологических материалов³⁶, нельзя не согласиться с мнением Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова о том, что именно фрагментам материальной культуры и быта (и в первую очередь керамике), которые изучает археология, «принадлежит определяющая роль при исследовании ранних этапов этногенеза»³⁷.

В целом мы солидарны с точкой зрения, согласно которой при изучении ранних стадий этногенеза, когда речь идет о происхождении не отдельных этносов, а этнических (этнолингвистических) общностей на уровне языковых семей, данные археологии (вместе с материалами палеоботаники, палеозоологии и палеоклиматологии) и лингвистики настолько преобладают, что можно говорить о комплексном лингвоархеологическом подходе при исследовании этой проблематики³⁸.

Важную роль в исследовании фазы этногенеза играют антропологические материалы, костные останки скелета и в особенности краниологические серии, которые свидетельствуют о физическом облике людей, оставивших археологические памятники. Данным палеоантропологии наряду с материалами лингвистики и археологии принадлежит первостепенное место в реконструкции исторического прошлого человечества, причем их значимость, как подчеркивали в совместной статье Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, «возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов»³⁹.

Эти слова полностью применимы и к данным популяционной генетики, которые в последние годы стыкуются с материалами, полученными в результате изучения проблем этногенеза. Целая серия работ в этом направлении выполнена Ю. Г. Рычковым и учениками его школы⁴⁰. О необходимости популяционного подхода к палеоантропологическим материалам при разработке проблем этногенеза сравнительно недавно доказательно писала Р. Я. Денисова⁴¹.

Этногенетическую нагрузку несут сюжеты многих эпических произведений устного народного творчества. Весьма интересно и перспективно привлечение для исследования этногенеза музыкального фольклора и других видов народной музыкальной культуры, в частности многоголосия⁴².

Однако основным источником сведений по этногенезу отдельных народов остается, конечно, их материальная культура, на этнопоказательный характер многих элементов которой недавно снова обратил внимание Р. Ф. Итс⁴³. В целом его выводы еще раз наглядно иллюстрируют известное положение С. А. Токарева о том, что «этнография и только этнография как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа»⁴⁴.

Степень значимости данных упомянутых дисциплин для освещения этнической истории существенно разнится.

Материалы археологии (ранне- и позднесредневековые памятники) так же, как и палеоантропологические находки этих эпох, выполняют свою миссию главным образом на начальном этапе развития этноса. Роль данных палеоантропологических сборов в этноисторическом ключе особенно важна при исследовании этнических изолятов, а также этнографических групп, возникших в результате контактов разнорасовых субстратно-суперстратных элементов.

Из фольклорных сюжетов наибольшую фактологическую нагрузку несут исторические предания, которые нередко повествуют о событиях вполне реального прошлого. Примеры конкретной историчности произведений этого жанра в фольклоре северосамодийских народов нам приходилось приводить в специальной работе⁴⁵. Генеалогические предания типа башкирских *шежере* у большинства народов Севера не зафиксированы. В то же время весьма распростра-

ненным жанром фольклора у них являются бытовые рассказы, главными фигурами которых выступают вполне реальные люди и события⁴⁶.

Гораздо меньшее значение для раскрытия динамики этноисторических процессов имеют данные лингвистических наук. Ономастические материалы (этнонимы, топонимы, антропонимы) более всего могут быть использованы при изучении этнических передвижений исторической эпохи и выявлении иноэтнических вкраплений, вошедших в состав того или иного этноса на этноисторической фазе. Исследование лексического фонда, фонетики и морфологии современных живых языков имеет значение для выяснения межэтнических контактов и процессов формирования субэтносов, этнографических и этнотерриториальных групп в составе конкретных народов.

При работе над проблемами этнической истории даже бесписьменных народов, каковыми были все аборигенные этносы Северной Сибири, наряду с полевыми материалами на передний план выдвигаются данные архивных источников. О значении полевых материалов для исследования этноисторических процессов уже говорилось. Что же касается архивных и вообще письменных документов и свидетельств, то здесь уместно привести афоризм известного знатока русских древностей академика М. Н. Тихомирова. «Там, где письменные источники отсутствуют,— писал он,— историк бродит в потемках»⁴⁷.

Применительно к этносам Северной Сибири все исторические письменные источники можно подразделить на три категории. 1. Статистические материалы, содержащие сведения о численности и родовом составе этносов или их подразделений (ясачные книги и ясачные списки XVII в.), ревизские переписи (сказки) конца XVIII — середине XIX в., материалы Всероссийской переписи населения 1897 г., похозяйственные карточки Всесоюзной переписи населения 1926 г., данные Похозяйственной переписи Приполярного Севера 1926/1927 гг. и др. 2. Сведения о крещении, рождениях, браках, смертях местных жителей, исповедные росписи церквей; списки административных родов и лиц, получавших муку в хлебозапасных магазинах XIX в.; записи актов гражданского состояния, списки населения по сельским (туземным, кочевым) советам, материалы землеустроительных экспедиций и т. д. 3. Сочинения историков, географов, описания путешествий и путевые заметки, книги и статьи чиновников местной администрации и церковнослужителей, произведения компилятивного содержания и др.

Исторические источники, относящиеся к двум первым группам, как правило, неопубликованы и хранятся в центральных и региональных государственных и ведомственных архивах. По поводу сведений, содержащихся в архивных документах, можно вполне определенно сказать, что, будучи «фактами исторического источника», они одновременно являются «фактами исторической действительности»⁴⁸, поскольку, за редким исключением, в них объективно изложены исторические события (царские грамоты, отписки воевод, челобитные служилых и торговых людей и «инородцев»). Еще в большей степени это относится к ясачным спискам XVII в., ревизским сказкам XVIII в. и метрическим церковным книгам XIX — начала XX в. Структурные составляющие третьей группы к категории источников могут быть отнесены с определенной натяжкой. Их плюс в ряде случаев — аналитичность содержания и тиражируемость; минус — субъективная позиция многих авторов, нередко столь тщательно завуалированная, что преодолеть ее бывает совсем нелегко, а порою и невозможно. Подобные трудности особенно знакомы исследователям этноистории зарубежных народов.

В заключение выскажем несколько прогностических соображений относительно дальнейшего развития этноисторических исследований. Необходимость привлечения для успешной работы на этноисторическом фронте материалов исторических (этнография, археология, гражданская история), филологических (лингвистика вместе с ономастикой), естественных (антропология, популяционная генетика) наук, фольклористики не позволяет рассматривать

эту исследовательскую область как субдисциплину исторической этнографии⁴⁹, пусть даже в качестве ее важнейшего раздела⁵⁰.

Как нам кажется, гораздо более прав Н. А. Томилов, который понимает этническую историю как самостоятельное научное направление⁵¹. Еще дальше идет В. П. Алексеев, по прогностическому убеждению которого проблема этногенеза, будучи по своему научному содержанию и методическому подходу междисциплинарной и возникнув на стыке ряда наук, со временем «выделится в силу необходимости к ней комплексного подхода в особую науку с весьма сложным и разветвленным содержанием, охватывающим как теоретическую часть, то есть разработку самих принципов этногенетического исследования, так и огромный цезарус сведений о конкретных этногенезах»⁵². Им же было предложено название этой новой науки — этногенезология⁵³.

Правда, как считает и сам В. П. Алексеев, это проблема, может быть не столь уж отдаленного, но все же будущего⁵⁴. А вот рассматривать этническую историю «как проблему исторической науки в целом»⁵⁵, как самостоятельное научное направление, имеющее собственный понятийный аппарат, круг источников, методику, исследовательский инструментарий, можно и должно уже сегодня.

Примечания

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Сов. этнография (далее — СЭ). 1949. № 3 С. 15.

² Сводку см.: Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // СЭ. 1985. № 5. С. 21.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 237, 238.

⁴ Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. 1976; *его же*. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера // СЭ. 1977. № 4; *его же*. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 4, 5.

⁵ Тер-Саркисянц А. Е. Всесоюзная этнографическая школа-семинар // СЭ. 1980. № 2.

⁶ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 237, 238.

⁷ Цит. по Тер-Саркисянц А. Е. Указ. раб. С. 144.

⁸ Чебоксаров Н. Н. [Проблемы происхождения древних и современных народов] Вступит. слово // Тр. VII МКАЭН. Т. V. М., 1970. С. 746—757.

⁹ Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза. С. 4.

¹⁰ Волкова Н. Г. Указ. раб. С. 20.

¹¹ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Института этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 36. М., 1958. С. 5.

¹² Сходных позиций в трактовке «широкого» и «узкого» значения терминов «этногенез» и «этническая история» придерживается Н. А. Томилов. Структурные компоненты, вошедшие в состав этноса на «этноисторическом» этапе, он предлагает именовать «этническим адстратом». См.: Томилов Н. А. Основные понятия этнической истории // Всесоюз. сес. по итогам полевых этногр. исследований 1980—1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР, октябрь 1982 г. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.

¹³ Стракач Ю. Б. Переодизация этнической истории как научная проблема // Бахрушинские чтения. Вып. 1. Новосибирск, 1973. С. 157.

¹⁴ Цит. по: Тер-Саркисянц А. Е. Указ. раб. С. 144.

¹⁵ Алексеев В. П. О самом раннем этапе расообразования и этногенеза // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 38; *его же*. Этногенез. М., 1986. С. 136, 137.

¹⁶ Арутюнов С. А. Этнические общества доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 66, 67.

²⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57, 58.

²¹ Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 100—104.

²² См.: Куббель Л. Е. Племя // Социально-экономические отношения и соционормативная культура (Свод этнографических понятий и терминов). М., 1986. С. 144, 145.

²³ Алексеев В. П. Этногенез. С. 135.

²⁴ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 63. Эту позицию полностью разделяет и автор ряда работ об этни-

ческом самосознании Р. Ш. Джарылгасинова. См., например: *Джарылгасинова Р. Ш.* Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // СЭ. 1987. № 4.

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 568.

²⁶ Васильев В. И. Влияние миграционных процессов на этнические судьбы населения западносибирской лесостепи в конце I тыс. до н. э.— начале II тыс. н. э. // Смены культуры и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 43, 44.

²⁷ Подробнее см.: Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2.

²⁸ Васильев В. И. Основные проблемы формирования и развития самодийских этносов (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докладов научной конференции по этнографии. Омск, 1983. С. 6, 7.

²⁹ Подробнее см.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей.

³⁰ Молодин В. И. Ретроспективный метод и опыт его применения // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. Там же см. сводку публикаций конкретного материала.

³¹ Информацию см.: Васильев В. И. Опыт комплексного междисциплинарного исследования проблем этногенеза и этнической истории (на материалах селькупов) // Всесоюз. сес. по итогам полевых этногр. и антропол. исследований 1984—1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

³² Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 144—155, 171—190.

³³ Там же. С. 153.

³⁴ Токарев С. А. Указ. раб. С. 35, 36; Ранее нам также приходилось обращать на это внимание. См.: Васильев В. И. Методические аспекты исследования этногенеза. С. 5—15. Мы никак не можем согласиться с положением, выдвинутым археологом Л. С. Клейном, о том, что проблема этногенеза (автор не различает понятия «этногенез» и «этническая история». — В. В.) может решаться на уровне синтеза материалов различных наук лишь в «широкой постановке». По Л. С. Клейну, существует еще и «узкая постановка» проблемы этногенеза, «подлежащая ведению этнографии, исторической и социальной психологии и поздней истории, черпающей свои сведения из письменных источников» (Клейн Л. С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // СЭ. 1988. № 4. С. 17). Судя по всему, под «узкой постановкой» проблемы этногенеза Л. С. Клейн понимает собственно этническую историю. Если это так, то предлагаемое им суждение источниковой базы этой исследовательской области, с нашей точки зрения, ничем не оправдано, о чем подробнее пойдет речь далее.

³⁵ Никонов В. А. Геофонетика и этногенез // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 68.

³⁶ См.: Мошинская В. И. О возможностях этнической интерпретации археологических материалов // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973. С. 3—11. Недавно этот вопрос был вновь поднят П. М. Кожным (Кожин П. М. Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. С. 80—107).

³⁷ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // СЭ. 1987. № 3. С. 48.

³⁸ Милитарев А. Ю., Лейрос И. И., Шнирельман В. А. Методические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза // СЭ. 1988. № 4. С. 25.

³⁹ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1. С. 25.

⁴⁰ См. серию статей Ю. Г. Рычкова и Е. В. Яшук на тему «Генетика и этногенез» в журн. «Вопр. антропологии»: 1980. Вып. 64 (в соавторстве с Веселовской Е. В.); 1982. Вып. 69; 1983. Вып. 72; 1985. Вып. 75.

⁴¹ Денисова Р. Я. Популяционно-антропологический аспект этногенеза // СЭ. 1987. № 6.

⁴² Земцовский И. И. Музыка и этногенез // СЭ. 1988. № 2; Жордания И. М. Народное многоголосье, этногенез и расогенез // СЭ. 1988. № 2.

⁴³ Итс Р. Ф. Этногенетические исследования // Расы и народы. Вып. 17. 1987. С. 23, 24.

⁴⁴ Токарев С. А. Указ. раб. С. 36.

⁴⁵ Васильев В. И. Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза и этнической истории северосамодийских народов // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 124—126.

⁴⁶ (Долгих Б. О.) Бытовые рассказы энцев. Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих // ТИЭ. Т. 65. М., 1962.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 8.

⁴⁸ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.

⁴⁹ Вайнштейн С. И. Историческая этнография в структуре этнографической науки // СЭ. 1987. № 4. С. 79.

⁵⁰ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Указ. раб. С. 48.

⁵¹ Томилов Н. С. Указ. раб. С. 67.

⁵² Алексеев В. П. Этногенез. С. 3, 4.

⁵³ Там же. С. 6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.